

Валерий Четверкин

Простое баловство

Валерий Четверкин
Простое баловство. 2016 г.

«Издательские решения»

Четверкин В.

Простое баловство. 2016 г. / В. Четверкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853496-6

Простое баловство, Бокал вина, сигара, Вечерние прогулки
и гитара, И внутреннего мира — волшебство. Пусть созерцательность
твою согреет душу, А читка — текст, покушает часы!

ISBN 978-5-44-853496-6

© Четверкин В.
© Издательские решения

Содержание

Последние 2014—2016 г.	6
О патриотизме	6
Бродяга	7
Воспоминания	19
Полотно мира	20
А им, все равно	21
Лень	22
Охранник	23
Мартышкины торги	26
Сова и попугай	27
Трактат о манекенах	29
Пасха	34
Павшим в годы Великой Отечественной Войны	35
Мечтают ромашки летать	36
Ты стань сегодня – украшением	37
И не скучай!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Простое баловство 2016 г.

Валерий Четверкин

© Валерий Четверкин, 2017

ISBN 978-5-4485-3496-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Последние 2014—2016 г.

О патриотизме

Патриотизм – прекрасное из чувств,
Что нас толкает совершать поступки,
Но патриоты без поступков – очень хрупки,
И болтология, одно из их искусств.
Они гордятся нашею страной,
Бьют кулаками в грудь, неистово «ругаясь»,
А если есть проблема, улыбаясь,
Они ее обходят – стороной.
Зачем им с копьями бросаться на «врага»,
Решать в самих себе, страны – проблемы,
Проблема их – кусочек пирога,
И не нужны им больше перемены.

17.12.16 г.

Бродяга

Часть 1. Пролог.

Золотит купола, сквозь деревья, прорвавшийся лучик,
Наполняет листву слабый шелест лесных голосов,
Он сидел на земле, размышляя уж много часов,
Вспоминая себя, как от счастья потерянный ключик.
Отголоски событий, не терзают уж душу струною,
Монастырский «звонарь», заменил их обыденным днем,
Строгий пост и молитвы, и борьба на котельной с огнем,
И раздумья глубокие, над своей непонятной судьбой.
Он поднялся с травы, и медленно двинулся к храму,
Рясой влажной сбивая, жемчужную свежесть росы,
И текли не спеша, напоенные солнцем часы,
Разгоняя туман, и вскрывая вчерашнюю драму.

Часть 2. Опять понедельник.

Кабинет был большим, чертежи и монтажные схемы,
Наполняли его, беспорядком рабочих часов,
И завод «Коммунар», с полусотней больших корпусов,
В проходных принимали, на работу спешащие смены.
Он менял конструктив – телевизоров старые платы,
Возглавляя отдел, проработки последних идей,
Он дошел молодым, до вершины карьеры своей,
И хватало ему, и любви, и забот, и зарплат.

Старенький дом, что достался в наследство от мамы,
Был достаточно прочным, надежным в своей старине,
И сверкали стеклом, деревянные, чистые рамы,
И жилось в нем уютно, как в богатой, и доброй стране.
Садик у дома, где кудрявились груши и сливы,
Украшала беседка, удивляя искусной резьбой,
А прохладная свежесть, и уютный покой,
Здесь царили везде, даже в куще крапивы.

Ритм работы был скорым, часов не хватало у суток,
Телевизоров новых, все сильнее желала страна,
Но скучала все больше, с ребятишками дома – жена,
Ей давно не хватало, проведенных с супругом – минуток.
Ей казалось, что жизнь, замерла у порога их счастья,
Монотонные дни, обесцветили краски любви,
А душа холодела, от предчувствий грядущих ненастий.
И не пели уже, так как прежде, в саду – соловьи,

Он ее понимал, и надеялся скоро поправить,

Все моменты с работой, и конечно же личную жизнь,
Он себе говорил, не спеши, не беги, оглянись,
Ведь давно уж пора, над вопросами точки расставить!
Ведь работа не жизнь, а подспорье на дальней дороге,
Хлеб и сало в суме, хороший кувшинчик вина,
И отсутствие страхов, и о завтрашних буднях – тревоги.
И веселые дети, и счастливая рядом – жена,

Опять понедельник, сборы скорые, бритва, лосьоны,
Наспех закрыта, деревянная, крепкая дверь,
И на запах труда, как мятущийся зверь,
Он несется по улицам, по осеннему свежим и темным.
Жизнь давно уж дала, нам свои непонятные схемы,
Направляя к тому, что сегодня так нужно тебе,
Мы проходим сквозь жизнь, покаяясь порою судьбе,
Чтоб решились одни, а возникли другие проблемы.

Часть 3. Неразбериха.

Страна распадалась, на субъекты особых традиций,
Отделялись Республики, обнажив суверенность свою,
А стабильность ушла, за собой закруглив – колею,
И взошли – сорняком, всходы алчности, злоба, амбиции.
Предприятия гнулись, под напором не зрелых законов,
Управления рушились, в ожидании завтрашних дней,
И, «что будет теперь», вдруг коснулось в стране – миллионов.
Ведь на жизнь заработать, становилось сейчас – тяжелей,
На работе не ладилось, и зарплату опять задержали,
Сокращение штатов, прокатилось свирепой волной,
Он уже не летел, окрыленный мечтами, домой,
Ведь дожить до получки, ему представлялось – едва ли.
И мучительно, мысли, упирались о стены уныния,
Разбивалась о «камни» не продуманность, новых идей,
И рвалась под ногой, продвижения – чистая линия,
Заставляя сменить, наполнение жизни своей,

Дом уже перестал, быть защитой от внешнего мира,
У супруги – глаза, наполняли угрюмый покой,
Он еще никогда не видал ее – странной, такой,
Где в словах – горький яд, или резкая, злая сатира.
Дети слушались мать, не вникая в семейные споры,
Их заветный мирок, не коснулись ветра перемен,
И залиvistый смех, иногда, отражаясь от стен,
Усмирал ненадолго, полыхавший разлад и раздоры.

У нее было все, уважение, деньги, свобода,
Любимые дети, светлый, ухоженный кров,
И приятная внешность, чем ее одарила природа.
И – трудяга супруг, а в саду много разных цветов.

Она колебалась, в ожидании некого чуда,
Ей казалось, что скоро, все изменится, только дождись,
Пусть он поздно придет, обними, покорми, улыбнись,
Даже если он хмурится, а порою бывает – занудой.
Даже если ругается, о рабочих своих – «беспределах»,
Нервно курит в саду, и задумчиво смотрится в даль,
Даже если сейчас, он в попытках своих – «не умелых»,
А в глазах у него, безысходность, тоска и печаль.

Бежали деньки, оставляя вопрос не решенным,
Отношения портились, обострив их разлаженный быт,
А совместная жизнь, вдруг уперлась в свою обреченность,
Израсходовав в миг, прошлой жизни, счастливой – кредит.
Каждый думал, что прав, загоняя себя в размышления,
И листая года, промывали события дней.
И от этого им, становилось намного больнее,
А раздумья о мире, не несли уж в себе – облегчения.
Хмурый туман облепил тополя и каштаны,
Заставляя людей укрываться в уютных домах,
Он себя ненавидел, заблудившись в семейных делах,
И болела душа, получив уязвленные раны.

Жизнь заставила всех, на какие-то выйти дороги,
Выбирая пути, по которым никто не ходил,
Бесконечно топтать, кабинетов – глухие пороги,
Оставляя себе, нерастраченность собственных сил.
Люди поняли вдруг, наступила пора передела,
И на прошлые рельсы, никогда уж не ступит страна,
Что свалились на них, не предвиденные времена,
От возможных излишеств, до обычного – беспредела.
Бытие разделило, подсознание всех, без остатка,
Кто остался в быту, наполняя карман пустотой,
Кто резвился по барам, с пересытившейся братвой,
А кого, уж давно, пополняет обычная взятка.

Он оставил жену, и детей, на ее попечение,
Подарил им квартиру, продавая участок, и дом,
И уехал в столицу, озаботившись лишь об одном,
Чтоб вернуть их любовь, понимание и уважение.
Деньги значили много, у истока коммерческой жилы,
Проработка мечты, рисовала концепции дней,
Он оставил одну, из десятков различных идей,
Приложив к воплощению, всю энергию, опыт и силы.

Офис бурлил, от звонков до огней мониторов,
А сотрудники, бурно, обсуждали вчерашний заказ,
И в накале страстей, болтовни, диалогов и споров,
Проходил иногда их совместный, обеденный час.

Так трещала в стране, социально – забытая сфера,
Уходили с заводов, мастера, ИТР и спецы,
И встречались они у ворот новых фирм – пионеров,
Что создали для них, избежавшие нужд – молодцы.
И держалась без средств, но на бартерах наша держава,
Привозилось сырье, на продукты, для жаждущих масс,
И делился весь мир, на богатый и нищенский класс,
Да плодилась вокруг, хулиганской засады – трава.

«Стрелки» множились, и разборки проводятся днями,
Без стрельбы уж давно, не решается этот вопрос,
И махровое зло, наполняет бригады с парнями,
И на «Бизнес дельцов», открывается бешенный спрос.

Часть 4. Падение.

Лето прошло, опечалив природу дождями,
Хмурится небо, в позолоте багряных садов,
И опавшие листья, вновь шуршат под твоими ногами,
И не падают цепи, от тяжелых душевных оков.
Вот уж год пролетел, как оставил он старые связи,
Как покинул детей, для решений насущных проблем,
Но еще не ушел, от избытка паскудства и грязи,
Лишь поднялся с трудом, со склоненных страной колен.

Все работало так, как он видел в своих начинаниях,
А команда спецов, удивляла сплоченностью всех,
И на зависть другим, обороты, победы, успех,
Устремлялись туда, где присутствовал опыт, и знания.
Каждый день приносил, удовольствие и облегчение,
Результаты труда, уж давно удивляли его,
И, наверное, скоро, для себя он получит прощение,
От детей и жены, и, возможно, себя самого.

Вечер тьмой облепил, утомленные сыростью стены,
В окнах светится жизнь, отдыхающих мирно людей,
Может где-то в дали, и грядут для страны – перемены,
В тусклом сумраке улиц, и тени кривых фонарей.

Он опять припозднился, и на завтра готовил планерку,
Будет новый заказ, будут новые схемы систем,
Креативный подход, и заботы прибавится всем,
Чтобы сделать заказ, обкатать, и закрыть на «пятерку».
Шум в фойе, вдруг его оборвал размышления,
Резкий, сдавленный крик, и глухой, как по мягкому стук,
И слилась суeta, в напоенные болью мгновения,
И в беспамятство скорое, от внезапно заломленных рук.

Душный подвал, задавил восприятия мукой,
А затекшие ноги, были скручены крепким узлом,
Он ловил прелый воздух, сухим и израненным ртом,
Вспоминая всю жизнь, перед скорой, похоже, разлукой.
«...И прохладные струи, холодили нагретую кожу,
Он ее обнимал, в поцелуях, на быстрой реке,
Полыхание страсти, их тела доводило до дрожи,
А пернатый певец, заливался невдалеке...».
«...Он стоял под дождем, у заплаканных окон роддома,
И смотрел на нее, и свою принесенную дочь,
И кричал ей в окно, как кричит проводник, из вагона,
Одинокая птица, обезумев, парящая в ночь...».
«...Мама смеялась, утирая салфетками слезы,
Что ты, любимый, никогда не оставлю тебя...»,
Он держал ее за руку, в ожидании грустно-тревожном,
Схоронив, как-то скоро, под опавшей листвой ноября...».

Он писал отказную, и доверенность, слабой рукою,
Больше не было сил, воспротивится боли и им,
Все плыло в голове, и страдания волны – рекою,
Заполняли его, безысходным осадком своим.
Пальцы сломаны, ручка дрожит бесконечно,
Резкий голос, звонком, проясняет сознание на миг,
И последняя подпись, нитью ломаной, тянется вечно,
И в беспамятстве, брошенный, хрипло-ломаный крик.

Часть 5. Пробуждение.

Холод сковал онемевшие ноги и руки,
Надо вставать, только как-же заставить себя,
Надо вставать, оставаться здесь больше нельзя,
Нужно идти, через боль, напряжение, муки.
Прояснялось сознание, стон нарушил молчание леса,
Где же я – где, колотилось в застывшем мозгу,
Но ответ не пришел, сквозь накрывшую болью – завесу,
Оставляя его, одного в молчаливом кругу.
Ствол березы шершав, и прохладен, как зимнее утро,
Раз стоишь на ногах, значит все у тебя впереди,
Соберись, не спеши, и на шум от моторов иди,
Хоть и слышатся звуки, не отчетливо, как-то, и глухо.
Каждый шаг, как рывок, отдается уколами боли,
Вот до клена добрался, обопрись об него, отдохни,
Отдышись не спеша, оглянись, ты гуляешь на воле,
И, вон там, меж стволов, промелькнули, как будто – огни.

Утро раннее, выгоняло машины на трассы,
А сонливых водил, уж бодрит кипятком кофеек,
И покрыты листвой, облетевшей – пустые террасы,
Да с лучами рассвета, наступает морозный денек.

Он с трудом устоял, под порывом осеннего ветра,
На обочине стылой, что качалась сейчас под ногой,
И терзало его, озабоченной мыслью – одной,
Что уже не пройти, до ближайшей больницы и метра.

Шум мотора принес и надежду, и облегчение,
Надо снова пытаться, ту машину остановить,
Документов уж нет, да и нечем за транспорт платить,
А ведь нужен еще, и уход, и простое лечение.
Тормоза зашуршали, и машина застыла у бровки,
Что с тобою – братан, до больницы ведь надо лететь,
Осторожно садись, все расскажешь врачам, из Сосновки,
И не вздумай заснуть, а тем более – умереть.
Здесь село недалеко, и врачи приезжают к приему,
А медсестры помогут, оклематься немного тебе,
Все нормально, терпи, не дадим приключится беде,
Здесь тебе подсобят, и здоровому, и больному.
Растворились слова, в заурчавшем тихонько моторе,
И тепло разливалось, излучая спокойный уют,
И размазалась осень и осины на косогоре,
А беспмятство вновь, опустевший открыла приют.

Луч стучался в глаза, разукрасив тенями подушку,
Тело мирно молчало, разогнав надоевшую боль,
А глаза ухватили, за вязанием на спицах – старушку,
И трещавшую печь, и деревни, забытую соль.
Что, очнулся, – сынок? Мы уж думали, ты не вернешься,
Больно плох был тогда, раны, ссадины, сильный озноб,
Без сознания дня три, и горячий, в испарине лоб,
И прибрали ко мне, в ожидании, когда же «проснешься».
Не спеши говорить, ты ведь слабый еще, как ребенок,
Все обсудим потом, когда силы вернутся и стать,
Только кушай сейчас, и попробуй подольше поспать,
А судьба разберется, и расплату получит – подонок.

За окном уж ноябрь, облетела листва кружевная,
Сил хватило вставать, и подолгу смотреть за окно,
На дорогу промокшую, что меняется, будто живая,
На продрогшие хаты, и на лунное в тучах пятно.
Что случилось не знал, кто такой и откуда не помнил,
Лишь видение смутное на беседку резную и сад,
И спокойная мысль, что не все в этой жизни исполнил,
Но, что ждет впереди, и куда уходить – наугад.

Пелагея Петровна, относилась к нему дружелюбно,
Все расскажешь потом, я тебя никуда не гоню,
Ты крепчай и лечись, не молчи, если где-нибудь трудно,
Говорила она, придвигаясь поближе к огню.
Здесь у нас все простые, пособляем друг другу, как можем,

Небольшие хозяйства, дом, скотина, как есть, огород,
Нет чужих уж давно, и закрытых дверей, и ворот,
Если вспомнишь чего, говори, может чем то поможем.
Я тут всем рассказала, что племянник ты мой, с Ленинграда,
Не доехал чутка, что к бандитам в застенки попал,
Что пытали тебя, и похоже, ты чудом сбежал,
И что жизнь для тебя, как нежданная с неба награда.

Так тянулись деньки, наполнением своим безмятежным,
Он поправился, встал, помогая Петровне в быту,
Мир укрылся давно, одеялом своим – белоснежным,
Разогнав по полям, ежедневных забот – суету.
Все соседи узнали, что он чинит проводку и схемы,
Приходили за помощью, если что-то ломалось у них,
Никогда в их селе, не бывало – рукастых, таких,
Кто так просто и быстро, мог решать бытовые проблемы.
Только память застывшая, все никак не давала покой,
Где, откуда он родом, да, и собственно, кто он такой.

Участковый подолгу, разговаривал с ним в кабинете,
В протокол записав, с потерпевшего сведений нет,
И смотря на лицо, изможденное в фотопортрете,
С описанием примет, он вложил фото в старый конверт.
Завтра с почтой отправлю, пусть в районе теперь разбирают,
Заявления граждан поднимут, разработки проверят свои,
Ведь возможно, что где-то, документы светились твои,
Я и справку не дам, пока, кто вы такой, не узнают.

Зеленеет весна, на просторах – озимые всходы,
Солнце в окна стучится, в перезвоне проснувшихся птиц,
А лазурь бесконечная, пропитала небесные своды,
И вуаль зеленеет, на плечах у берез – танцовщиц.
Он застыл у околицы, наслаждаясь теплом и покоем,
Сколько это продлится, но не долго, заботят дела,
Здесь прекрасно, но как, дальше жить – позабытым изгоем,
И пошел в Управление, через центр, в предместье села.

Новостей никаких, разослали запросы и фото,
Но ведь сложно сейчас, группировки, разбои, стрельба,
Все на выездах срочных, может Вами и занялся кто-то,
Я не знаю пока, как решится вопрос, и когда.

Неизвестность гнетет, как палач перед скорой расправой,
Жизнь сложилась не так, а чего ты когда-то хотел?
И не помнишь – чего, и своих не узнаешь ты дел,
Только чудо поможет, разобраться мне в свалке кровавой.
И тепло и покой, стали чужды, как тени былого,
Вот беседка резная, и тенистый раскидистый сад,
Вам спасибо Петровна, но не надо мне счастья чужого,

Лишь найти бы свое, пусть придется идти – наугад.

Часть 6. На дне.

Надо подумать. Торопится теперь уж не стоит,
Раз потеряно все, как-то надо смирится, и жить,
Ты же вспомнил беседку, как далекое что-то, чужое,
Так найди ее парень, память надо еще – заслужить.

Лес его успокоил, под ногами сражаются тени,
Солнце ярко смеется, заставляя траву оживать,
И шальной ветерок, между веток березовых вьется,
Тяжело на душе, но становится легче дышать.
Он присел у воды, рябью тронута гладь водоема,
Золотистый песок, исчезает в тенях глубины,
И глаза закрывает, ощущением усталости – дрема,
Под ветвями берез, и покровом самой тишины.
И проснувшись под вечер, наломав по округе валежник,
Разведя костерок, и сварив в старой кружке чаек,
Осознал себя вдруг, будто он, как ненужный мятежник,
Что всю жизнь что-то ищет, но от цели, как прежде – далек.

Пелагея Петровна, в дорогу, собирала ему туесочек,
Хлеба краюху и сало, старый нож перочинный и чай,
И на самое дно, упакованный в холст – образочек,
И немного денег, пригодятся ему, в самый край.
Попрощались они на околице, утро сверкало,
На лице ее слезы, и рука, что тербит платок,
И знамение крестное, подкативший у горла – комок,
И бредущая тень, в неизвестное завтра – устало.
Догорал костерок, угли треском пугали округу,
Лепестки огоньков, доедали последнюю плоть,
Он подкинул дрова, чтобы холод в себе побороть,
И пустить свои мысли, крутится по новому кругу.

Старый подвал, был забыт и людьми, и природой,
Дом, что под снос, приютил лишь четыре семьи,
В новый дом, почему-то, не хотят переехать они,
И ему помогал он, пережить времена, с непогодой.
Есть тепло и вода, что нагреется завтра на трубах,
Есть каморка в углу, и простой «бородатый» замок,
Из коробок топчан, деревянный настил, из досок,
И картина на стенке, караван запряженных верблюдов.
Абажур из бумаги, разбросал кучерявые тени,
Образок Пелагеи, аккуратно пристроен в углу,
А когда тяжело, он вставал перед ним на колени,
И просил у всевышнего, отыскать завтра что-то к столу.

Недели давно уж, растворились в сегодняшнем – выжить,

Месяца отмечались, лишь явлением погодным своим,
И досадное – БОМЖ, что частенько приходится слышать,
Да резная беседка, чем по жизни бродячей – гоним.
Новый год, странно видеть улыбки и радость,
Их нельзя не понять, ведь не все, так как ты – одинок,
Ведь у них есть дома, и работа, возможная в тягость,
Быта теплый уют, и горячего хлеба – кусок.
Захотелось вот также, нахватать хвойных веток в охапку,
Принести их в подвал, и украсить простой мишурой,
Наслаждаться теплом, если есть раздобудешь – едой,
Вспомнить все, что прошло, разложив для себя, по порядку.

Опять полустанки, по-весеннему зелень в округе,
Первоцветы желтеют, наполняя пейзажи теплом,
Нет неясного завтра, не понятного – что же потом,
И озноба холодного, в темноте, на пронзающей выюге.
Есть река и леса, водоемы прохлады и неги,
И костер на опушке, и легко заработанный хлеб,
Безмятежная легкость, не укрыты тревогой – ночлеги,
Небольшое затишье, в окружении ненастий и бед.

Что же гонит нас всех, облаками по синему небу,
Неизбежность судьбы, или быта – глухие углы,
Иль желание быть, там, где ты никогда еще не был,
И когда на ногах, тяжело не звенят – «кандалы».
Мы горим в пустоте, понимая, что это не вечно,
Отдаем в этот мир, свои силы, улыбки и страх,
И несемся по кругу, ошибаясь в себе – бесконечно,
На распутьях дорог, и сбивающих с мыслей ветрах.
Мы теряем родных, и свободу, надежду и веру,
Забываем о детях, под напором минутных проблем,
И блуждаем во тьме, сотворенных собой – перемен,
Благодушно пытаюсь, сделать мирной – пустую химеру.

Осень – суровое время, пора испытаний и муки,
А сырость и холод, толкают в тепло и уют,
На ветру уже стынут, загрубелые, сильные руки,
И заботы о пище, расслабляться никак не дают.
И толкают вперед, заставляя мотаться на свалках,
Чтобы что-то найти, и кому-то все это продать,
Или где-то, случайно, на еду для себя обменять,
И с таким же сойтись, в сквернословиях и перепалках.

В городах, городках и поселках, хватало разрухи,
Опустевших складов, корпусов цеховых и домов,
Тепло камер, подвалов, и давно позабытых углов,
Где не шарятся крысы, а зудением не мучают мухи.
В беспокойных видениях, опять появилась беседка,
И лицо Пелагеи, с укоризной смотрящее в даль,

Он очнулся. Громко треснула в пламени ветка,
И нахлынула в сердце, безнадёги – скупая печаль.
Много лет уж прошло, по глухим закоулкам мытарства,
Сколько пройдено мест, и десятки обжитых трущоб,
Но никак не найдется, от блужданий напрасных-лекарства,
И от страха за завтра, пробирает холодный озноб.

Грязь и холод – привычны, как костра очумелые тени,
Но ведь это не жизнь, раз обходят тебя стороной,
И, что делать теперь, биться в стену своей головой,
Если ты в тупике, и закончились в пропасть – ступени.
Жить на дне, умереть, так, как брошенный пес, на помойке,
От случайных болячек, или драки, за лучший ночлег,
Или в спазмах уйти, выпив дрянь на случайной попойке,
Средь таких же, как ты, потерявшихся в жизни – коллег.
И в раздумьях своих, он шагал по пустынной дороге,
Просто так, ни зачем, и не пряча натуру свою,
Что случится, пусть будет, значит так и задумали боги,
Если видят, как я, от отчаянья, жизнь продаю!

Визг колес, тормоза, луч от фары разрезал дорогу,
Бампер с лязгом уперся, в облицованный цоколь угла,
И опять тормоза, и в проулке забили тревогу,
И случайной стрельбой, зазвенела тревожная мгла.
Кто бежал, отбивались, от субъектов спортивного вида,
Но отбиться втроем, от десятка серьезных парней!
Их зажали в углу, беглецов, из зеленого твида,
Захотелось помочь им, от стреляющих в них палачей.
Он метнулся в проулок, на бегу вырывая дубину,
Вот и первый стоит, непрерывно стреляя во тьму,
И, размахисто врезав, молодцу, в напряженную спину,
Отобрал пистолет, и метнулся вперед, в кутерьму.

Мир, как будто разбился, на осколки отдельных событий,
Беглый огонь по теням, что сжимают во мраке кольцо,
И корявые ветки, так безжалостно лупят в лицо,
И ответный огонь, по тебе, из случайных укрытий.
А осталось их двое, как вдали зазвучали сирены,
Значит скоро конец, но не думают парни бежать,
Выстрел, точно, и взрываются спазмами вены,
Эх, успеть бы еще, на курок, для кого-то, нажать.

Часть 7. Скорая помощь.

Тишина. Слабый шепот какой-то молитвы,
Белый снег за окном, выстилает свои покрова,
От камина тепло, а от мыслей – пуста голова,
Да какая-то боль, как осколок не конченной битвы.
Значит жив ты дружок, но зачем, и кому это надо,

Все ж понятно и так, бомж попался, немного помог,
И зачем эта жизнь, как не нужная трупу – награда,
Эх, ушел бы сейчас, если б кто, приподняться помог.

Не спеши, помогу, вдруг раздался участливый голос,
Твои раны свежи, им пока еще нужен покой.
Он присел у кровати, одеяло поправив рукой,
В черной рясе монаха, неуклюжий, заботливый – колос.
Мы решили в больнице, что помочь тебе надо кому-то,
Все, что сможем узнать, непременно расскажем тебе,
Только сведений мало, или нет их вообще, почему-то,
Но пропасть не дадим, в сотворенной с тобою беде.
Ты в бреду говорил, что без памяти, выжил случайно,
Пелагею искал, что тогда тебе так помогала,
Нет случайности в мире, есть угодные богу – дела,
И когда ни будь ясным станет то, что скрывается тайной.

Ты живешь у того, кого спас появлением скорым,
Он уж думал, что все, не видать ему дом и семьи,
Был он в храме у нас, настоятеля очень просил,
Чтоб помог за тебя, и замолвил слова, перед богом.

Я в миру, в свое время, был обычным врачом – участковым,
Потому настоятель и просил присмотреть за тобой,
Для меня этот мир, оказался настолько суровым,
Что ушел в монастырь, обрести здесь душевный покой.
И теперь вот живу, помогая любовью, и словом,
Средь таких же, как я, у кого не сложилась судьба,
И в молитвах своих, и на службах, с крещением и звоном,
За любовь и добро, непрерывно ведется борьба.

Ты лежи, отдыхай, поправляйся, куда торопиться,
По запросам и фото, мы не скоро получим отчет,
Поживешь и у нас, есть где спать, где поесть, помолиться,
Может, вспомнишь, о чем, коли с верою жизнь потечет.

Часть 8. Возвращение.

Послушания исполнить, как всегда, не большая забота,
Заготовка угля, или чистка от пыли котла,
Отвлекала от мыслей, ежедневно – простая работа,
И степенный уклад, и духовного склада – дела.
Литургии, молебны, и вечерние службы при храме,
Тишина и молитвы, величаво звучащие здесь,
Отражаясь от сводов, изгоняли гордыню и спесь,
Под чарующим взглядом, святых, в позолоченных рамах.
И душа замирает, в ожидании некого чуда,
Чувства словно уходят, оставляя тебя одного,
Только голос звучит, в глубине и вокруг, ни откуда,

И приходит момент, твоего понимания всего.

И свободная легкость, наполняет тебя без остатка,
А часы пролетают, незаметно, мгновением одним,
И слова не нужны, потому, что ты мысленно с ним,
Избавляясь в душе, от волнений, и беспорядка.
Свечи медленно гаснут, оплывают неясные тени,
И библейские сцены, растворяясь, уходят во мрак,
Скоро пасха придет, избавляя народ от сомнений,
Что живем мы сегодня, не по-доброму, как-то, не так.
Что не надо менять, в осуждениях, свое окружение,
Не дано нам понять глубину затаенной души,
Только ты и господь, в напряженно звенящей тиши,
И к основам добра, и вселенской любви – приобщение.

Воскресная служба, прихожан успокоенных – лица,
И библейский напев, бархатисто тревожит сердца,
И спокойно вокруг, а в душе – восхитительно чисто,
Под заботливым взглядом, всемогущего бога – отца.
Литургию закончил православный обряд причащения,
Прихожане, степенно, покрестившись выходят во двор,
А в открытых сердцах, еще слышны слова песнопения,
И блесит куполами благочинно – радушный собор.
Вдруг раздалось – отец, кто-то за руку нежно коснулся,
Колыхнулась душа, память рухнула валом лавин,
Вот резная беседка и дом, и завод, как мгновением одним,
Пронеслись в голове, с чувством – будто проснулся.

Он нашел ее взглядом, обнимая детей осторожно,
Сколько время прошло от его неотложных затей,
Сколько прожито зим, и суровых, холодных ночей,
По подвалам сырым, или просто в пыли придорожной.
Рассказать им, как любит, что искал их по миру – калекой,
Пробираясь на ощупь, как слепой в незнакомом краю,
Словно дикий чудак, что блуждает за тенью – далекой,
В веренице бродяг, да с бомжами, в дырявом строю.
Что сказать ей сквозь годы, проведенные в смутное время,
Дети выросли как, воспитала и сберегла.
Ведь нашли же тебя, в этом нет никакого сомнения,
Что ж досталось то ей, как тебя обнаружить смогла.
И обнявшись, они неподвижно стояли,
Со слезами в глазах, вспоминая прошедшие дни.
Дни побед и падений, дни надежды, разлуки, печали,
И бессонные ночи, и далекие в небе огни.

24.03.16 – 21.06.17.

Воспоминания

Красный сафьян, окантованный медью черненой,
Теплое кресло, и пушистый, потрепанный плед,
Сигарета в руке, ты сидишь, суетой утомленный,
Вспоминая события, тех, ушедших в историю лет.

Ветер колющий, пробирает бушлат и тельняшку,
Плац ледяной, и команды звеняще – скупы,
Курит махру, матросня у курилки, в затяжку,
Закрываясь руками, от летящей на землю крупы.

Волга, ночь и огни – бижутерия теплого лета,
Сладкий вкус на губах, что оставил тебе поцелуй,
Аромат тех волос, что купались в бутонах букета,
И прогулки веселые, по аллеям каштанов и туй.

Стук колес и гудки, суета бесконечных вокзалов,
Золотые пейзажи, что летели за пыльным окном,
И простой разговор, звон наполненных водкой бокалов,
Все сегодня казалось, нереально – оплавленным сном.

Стекла род дома, затянуло морозным узором,
В прорубь стекла, окунулось родное лицо,
Взгляд утомленный, и смотрящий, с каким-то укором,
Словно не было чувств, и сдавило на пальце кольцо.

Гомон общаги, как всегда по привычному – дорог,
Лица друзей, и попойки за круглым столом,
Сутки чертить, и тащить белых ватманов ворох,
На защиту дипломов, или, просто идти на поклон.

Белый холод сковал, за больничным окошком природу,
Стон и ропот больных, ожидающих скальпель и нож,
А в граненом стакане, с пузырьками – шипучую воду,
И спокойную мысль, будешь жить, если сам не помрешь.

Так, из мелких картин, собираются судьбы и люди,
И приходит однажды, осознание прожитых дней,
А под красным сафьяном, смеси наших страстей,
Над которыми мы, умудренные прожитым – судьи.

30.11.2016 г.

Полотно мира

Картина мира-полотно!
Что пишут ангелы – крылами,
Они всегда при жизни с нами,
С душою нашей за одно.
Они пекутся обо всех,
Нам неизменно помогая,
И сами мы, того не зная,
Имеем горе, или смех.
Мы улыбаемся порой,
С сарказмом, или благодушно,
Когда нам радостно и скучно,
Когда теряем свой покой.

А в необъятной пустоте,
Сплетают нити паутину,
В сиянии света, и во тьме,
Они ложатся строчкой длинной.
То чернь зальет, то серебро,
Блистая, пишет криптограмму,
Со стороны, все это странно,
Как зло, вливается в добро.
Как серым призраком ложится,
На мир наш, это покрывало,
И вот, уже, кого не стало,
А кто-то, вдруг, успел родиться.

И смех, и слезы, звон баталий,
То блеск волны, в лазурной дали,
То полный красками рассвет,
Приносит с ветрами привет,
То пламенеющий закат,
Закроют тучи грозовые,
И громовой звучит набат,
И кони мчатся воронье....

А ангелы, в обличии сером,
Уже целуются в засос,
И холст, в багете черно-белом,
Над нами вывесил Христос!

29.11.2016 г.

А им, все равно

А им, все равно – наплевать,
Случается, то, что случается,
Погонят войну воевать,
Значит будут и там дурью маяться.
Им давно уже все фиолетово,
Раз углы высотой обозначены,
За спиною судьба Филарета,
Впереди и подавно – схвачено,
Все прописано и поставлено,
Остается принять к исполнению,
Честь в залогах давно оставлена,
А в гулагах сгноили мнения.
Абсолюты сменили обличия,
И уже поменяли понятия,
И спускаются вниз, для приличия,
Незатейливые занятия.

Есть другие, в себе копаются,
Ищут медь, серебро и золото,
Идиотами – улыбаются,
Под тяжелым ударом молота,
Не сгибаются, и не каются,
В них давно уж война потушена,
Белый с черными обнимается,
Вдохновением душа – укушена,
Руки ищут себе участия,
Не тревожит болезнями тело,
На груди только крест причастия,
Да глаза, смотрящие – смело.

22.11.2016 г.

Лень

Я лежу, отдыхая, душою и телом,
Закурил сигаретку и колечки – пускаю,
Мне заняться сейчас полюбившимся делом,
Но с чего же начать, как всегда, я не знаю!

Руки «чешутся в кровь», мысли рвутся наружу,
Сигаретку до фильтра уже докурил,
Телу жарко подчас, а в душе его – стужа,
Лед и снег и мороз мне господь подарил.

Лед и снег и мороз, я закован, как в цепи,
Мне не сдвинуться с места и творить не начать,
И бессмысленны все шевеления эти,
На любовь и на страсть, наложили печать.

И кричи, не кричи, но в порыве не смелом,
Ты на койке лежишь, от проблем – отдыхая,
Развалясь и растекшись душою и телом,
Прикурив сигаретку, и колечки – пуская.

08.11.2016 г.

Охранник

Часть 1. Утро.

Он смотрел за окно, в бесконечную летнюю негу,
Призмы новых домов, упираются в синюю высь,
А минутки застыли, как бездонное, синее небо,
И шевелится мысль, все успеешь, не торопись.
Суета проходной, как глава не оконченной книги,
День на день не похож, наполнением бурным своим,
И проносится жизнь, что досталась сегодня другим,
От улыбок и смеха, до разыгранной кем-то – интриги.

Жизнь на службе всегда, развивали терпение и меру,
Офицеры запаса, увольнялись своим чередом,
И меняли казармы, на общагу, квартиру и дом,
Сохраняя уставов, и привычек своих – атмосферу.
Так случилось и с ним, оказавшись уже на гражданке,
Он не смог усидеть, в добродушных, домашних углах,
Предаваясь апатии, и обычной для праздности – пьянке,
И себя озаботил, растворившись в охранных делах.
Монитор, как всегда, пережевывал камер – сигналы,
Выдавая периметр, охраняемой зоны труда,
Да свисали под стол, не уложенные провода,
И валялись в углу, запыленных кроссвордов – журналы.

Вот и служба пошла, до приезда отцов – командиров,
Надо знаки поправить, озабоченным сделать лицо,
И застыть у дверей, заполняя собою крыльцо,
И встречать не спешащих, на работу свою – «пассажиров».
Нужно выдать ключи, от казенных, скупых кабинетов,
Доложиться по форме, мол – увы, происшествий и нет,
А потом развернуть, полустертую крышку планшета,
И послав всех на Вы, с головой улететь в интернет!

Часть 2. День.

Окружили – «собаки», но меня не возьмешь, как глупышку!
Вот ты где, за сараем, покажи-ка «любезный» лицо!
Что, не хочешь, ну ладно, обойду тебя, как ни будь – краем,
Где-то надо прорвать, окружения танков – кольцо.
За ложбинкой посадка, что выходит опушкой на взгорок,
Глухо рыкает «Тешка», пролетая крутой поворот,
И сарай показался, и в крестах, размалеванный – враг,
И прицел наведен, и рука нажимает курок.
Разлетается башня, ствол угрюмо уперся в канаву,
Что ты встал, уходи, ведь опять обойдут стороной,
И включив свой форсаж, чтоб скорее уйти от облавы,

Он несется к оврагу, под коварной и полной луной.

Все, хорош, наигрался, по привычке сохранность и выход,
Кресло скрипнуло жалко, отъезжая от края стола,
Лишь менялись картинка, на дисплее запыленном, тихо,
И пора приниматься, за привычные в службе дела.
Вы к кому – гражданин, в бухгалтерию – вот телефончик,
Позвоните, спросите, чтоб спустились забрать Вас с собой,
Ах не нужно, ну ладно, по мобильнику будет дозвончик? —
Чисто выбрит, уверен, не иначе опять – деловой.
День скатился к обеду, в животе заурчало – утробно,
Нужно что-нибудь скушать, а иначе совсем уж тоска,
В магазинчик сгонять, прикупить для себя кефирка,
И смолоть бутерброд, развалившись на кресле – удобно.

На обед, кто-куда, командиры в «Мираж», на жаркое,
Молодёжь, как всегда, улетает поесть в «Медный грош»,
Кто приносит с собой, наслаждаясь обедом в покое,
Кто идет погулять, если день бесподобно – хорош.
Приближается вечер, прибывает народ на планерку,
Тихо «дремлют» водители, на диванах, в стеклянном фойе,
Да снуют субподрядчики, им сегодня устроили «порку»,
Что не сдали работы, но одно лишь «бабло» на уме.
В шесть часов, как всегда, начинает народ расходиться,
Кто с улыбкой летит, кто устало, сутулясь идет,
Кто за руль иномарок, покурив, торопливо садится,
Кто ползет не спеша, потому, как здесь рядом живет.
Все прощаются дружно, и вручают ключи кабинета,
Чтоб до завтра исчезнуть, в вечеряющей свежести лета.

Часть 3. Ночь.

Вечер полный теней, завершился уборками комнат,
По сдавали технички, разделенные связки ключей,
И пришла тишина, и молчат зуммера телефонов,
И спустился на город, обаятельно – сладкий Морфей.
По привычке закрыв, дверь стальную входного проема,
Он пошел на обход, не великих владений своих,
Чтобы окна проверить, и парковку ночную у дома,
И вдохнуть свежий ветер, одиноких дворов городских.
Завтра смена придет, сдать имущество все по порядку,
И за город рвану, расслабляться на дачку свою,
Под собрать огурцов, навестить помидорную грядку,
И, махнув самогончик, оказаться с друзьями, в строю.

Он давно настоялся, на калгановом корне, с брусничкой,
Чист и свеж, как слеза, отфильтрованный лучшим углем,
Вечерком, с шашлычком, и подругой, со светлой косичкой,
Посидеть у костра, озаренные ярким огнем.

Эх, мечты неизбежные, оказавшись у них под прицелом,
Мы теряем порой, осторожность, присущую нам,
И несемся им в след, по житейским волнам,
Подкрепляя реальность, хорошо проработанным делом.
А еще ведь облава, и на хвост наступает гонитель,
Он опасен и зол, потеряв уж машины свои,
Пусть ты ночью укрыт, но ведь есть у него – фонари,
Даже если рельеф, у тебя ныне – лучший хранитель.
Он обложит твой танк, как матерого волка – овчарки,
Окопавшись в низинах, и сжимая стальное звено,
Надо думать – «боец», как тебе избежать – «кочегарки»,
Ведь по глупости сгинуть, в этой жизни, не мудрено!

Так, под мысли его, промелькнуло ночное дежурство,
За лукавил рассвет, синеву первозданного дня,
Вот и смена пришла, и закрыла момент – «самодурства»,
А душа уже просит, подготовить стального коня.
Службу сдал, как обычно, и движок уж прогрет для дороги,
Впереди суета, и погоня за новой мечтой,
И привычно педали, надавили – уставшие ноги,
И Пежо покатила, обретая душевный покой.

29.07.2016 г.

Мартышкины торги

Царь всех зверей собрал в лесу собрание,
Участок леса надо расчищать,
Убрать всю гниль, сорняк – по корчевать,
Чтоб площадей, улучшить состояние.
Ведь здесь живет, и кормится народ,
Банан, кокосы, манго, апельсины,
А в чаще – жуть, как старые руины,
Присмотра нет, уже который год.
Мартышек выбрали, они же здесь живут,
Определить участников подряда,
Согласовать работы, так, как надо,
И оплатить им, их не легкий труд.
Вот потянулись в джунгли делегаты,
Медведи с пандами, жирафы и слоны,
Орангутанги, муравьеды, кабаны,
Необходимые для чистки – кандидаты.

Мартышки думают, слона не запустить,
Помнет им все, а больше поломают,
Кабан деревьям корни подкопает,
Орангутанги сразу лес начнут – бузить!
Жирафы урожай пожрут по кронам,
Медведи объедятся, лягут спать,
Кого ж им оптимального позвать,
Работу выполнить, по их лесным законам.
Ведь как не хочется, в голодном доме жить,
С тоской смотреть на чистые поляны,
Листву кустарников и пальмы ворошить,
Облизывая голые лианы.

Проходит время, в лес нельзя зайти,
По веткам плющ свисает ядовитый,
Термитник высится в чащобе – плодовитый,
Да мхов с лишайниками, разных – ассорти.
Кто прав, кто виноват, судить не нам,
Не нами принимаются решения,
Но только страхи, алчность и сомнения,
Не причисляем мы к своим врагам.

Мартышкин труд, возможно, и не плох,
Пока участок джунглей не засох!!!

12.07.2016 г.

Сова и попугай

«ТРАКТАТ О МАНЕКЕНАХ

Кирилл-Ллирик 04.07.2016 16:41

Очень странная как для меня тема – вот просто ума не приложу, как может возникнуть идея написать про это. Как будто садится поэт и думает: „О чем бы таком написать?“ Тут взгляд случайно падает на манекен – и о чудо! Тема есть. Посему и повествование не вдохновило, многое растянuto и притянuto за уши. Хотя мне понравились 2 строки: Любой герой, тогда бывает вечным, Когда приносит боль своей стране. Только после героя запятая не нужна.»

Ответ автора:

Сова задумала поэму написать,
О том, как тяжело им жить зимою,
Леса укрыты снежной пеленою,
Мышей уже, не так легко достать!
И холодно, и треск сухих ветвей,
Разносится, как выстрел, по округе,
Кустарник подвывает белой вьюге,
Загнав по норам, алчущих зверей.
Ложатся строчки, надо не забыть,
Упомянуть про зайцев и медведей,
Лисиц с волками тоже – их соседей,
И все проблемы леса приоткрыть.

Когда закончилась последняя глава,
Уж потеплело, снег в лесу растаял,
Зазеленела травка молодая,
И не болит уже о жизни – голова.
Слетает в лес, залетный попугай,
Сову увидев, тут-же «приземлился»,
Задел за ветку, всласть обматерился,
И стал критиковать лесной «сарай».
Да, кумушка, давно вот так – живете,
Дупло гнилое, мусор под ногами,
И ветки вы давно уж не стрижете,
Все мхом затянуто, и сетью, с пауками.
И как вы можете, в начитанные дни,
Здесь прозябать, постыдно и уныло,
Где все в невежестве, давно уже застыло,
А в окружении – романтики одни!
Взмахнул крылом, наш гордый попугай,
Собрав собой, всю паутину «дома»,
Предел покинув грязи, и «разгрома»,

К любимой клетке, в свой родимый край.

Бывает хуже, что уж тут сказать,
Одним творить, и радоваться воле,
Другим милей предать весь мир – крамоле,
И с чувством долга, в клетках, умирать!

05.07.2016 г.

Трактат о манекенах

Часть 1. Немного об истории.

О манекенах можно много рассказать,
Их путь далек, в истории народов,
Великих битв, свершений и походов,
Они, как спутник жизни, так сказать.
Они пришли к нам, из глубин времен,
С владычества вождей и фараонов,
Ашшуров и Тутанхамонов,
А может из каких, других племен.
Все их достоинства, чего уж там скрывать,
Всегда людьми ценились в поколениях,
Их терпеливость и умение молчать,
Ни страха, ни предательств, ни сомнений.
Они всегда стояли рядом, под рукой,
По долгу службы, или по велению,
С достоинством, достойным – поколению,
В котором сберегали наш покой.
В быту они всегда не прихотливы,
Не притязательны, спокойны и скромны,
Потомки из далекой старины,
Шалуны Шакти, и громады Шивы.

Часть 2. Манекены и война.

Борьба заложена у нас у всех в крови,
Охотничьи инстинкты – сокровенны,
И территории свои – благословенны,
То, что в веках делили – «се ля ви».
И полыхало зарево огней,
Под звон мечей, и выстрелы винтовок,
Под скрежет гусениц, в неистовстве коней,
В бивачном гомоне случайных остановок.
И полководцы, слуг своих созвав,
Тела разоблачали от доспехов,
Чтоб отдохнуть от воинских «успехов»,
И лечь вздремнуть, хвалу богам воздав.
А манекен, доспехов груз – одел,
Сверкая гранями мечей, секир и палиц,
На благодетелей, в тених ночных смотрел,
Сквозь шлемов прорези, над их делами – «с жалясь».

Но и у «кукол» разная судьба,
Одни живут в палатках командиров,
Тем сохраняя – девственность мундиров,

Другим достались поле и стрельба.
Кто с пиками воюет и копьем,
Кого рубают сабли и секиры,
Кто плоть свою теряет под огнем,
Оставив от себя одни лишь дыры.
Везет не всем, но избранные были,
Их облачали в ржавые доспехи,
И арбалетчики, похоже, для потехи,
С дистанций разных, в них болтами били.
Монахи Шаолиня с детских лет,
Кунг-фу в горах истошно изучая,
Не признавали нож, и пистолет,
Лишь манекен, рука, и чашка чая.
Удар, уход, и вот он закачался,
Подкат, удар, и он уже лежит,
Не хныкает, не стонет, не блажит,
А тих, и нем, как будто бы – скончался.
Но и монах, не верует в успех,
Ведь враг хитер, а может и подняться,
И, чтобы эйфории не поддаться,
Он пробивает пальцами доспех!

Врага вблизи почуял авангард,
Дымок костров, коснулся обоняния,
Палатки на холме, и звезд сияние,
И вот к броску, готов наш «леопард».
Без звуков, и в полнейшей тишине,
Несутся легионы, окружая,
Ворвались в лагерь, головы срубая,
Когда сигнал, разнесся в вышине.
И стрелы, волнами, посыпались с небес,
В округе все собою поджигая,
А сотни всадников, оружием сверкая,
Лавиной рухнули, врагу наперерез!
И в сшибке скорой, на крутых холмах,
Повержен враг, напавший на стоянку
Лишь трупы воинов, лежали с спозаранку,
И манекенов части – ратники впотьмах.

И мы, историю сегодня изучаем,
В музеи ходим, смотрим экспонаты,
Рапиры древние, мушкетеры, и гранаты,
И описания, внимательно читаем.
Вот Македонский, в шлеме, на коне,
С мечем на поясе, и взглядом бесконечным,
Любой герой, тогда бывает вечным,
Когда приносит боль своей стране.
Вот викинги, славяне и варяги,
Одеты в шкуры, кожу и холсты,

Сейчас все это, можешь видеть ты,
И стяг побед, и траурные флаги.
А манекены, что про них сказать,
Они истории нас молча обучают,
Все видели, и все прекрасно знают,
Им не знакомо только слово – умирать!

Часть 3. Манекены и мода.

А в средние века, устав от битв и браней,
Войска с победой возвращаются домой,
В холеный мир, где царствует покой,
В столичный шум, и шелест глухоманей.
Мундир уж надоел, его сдают в починку,
И одевают праздничный кафтан,
Жипон, дуплеты, жены – сарафан,
И отправляются к друзьям, на «вечеринку».
Церковный пресс моралей ослабел,
Народ расслабился, красивым стало тело,
И вот, портной, заполнив свой «пробел»,
Менять наряды, начал очень смело.
А манекены в этом сильно помогали,
Под их стандарт, кроилось все белье,
Народ «клубился», словно «воронье»,
И все своих примерок тихо ждали.

Наряды множились, делились на сословия,
Менялись ткани, формы и покрой,
Кому-то строгий креп, и люрекс золотой,
Кому парчу и шелк, и прочие условия.
Менялся манекен, из грубых форм и линий,
Он превращался в светлую мечту,
Собой явив нагую красоту,
Богов Олимпа, или праздничных богинь.
Теперь они стояли за стеклом,
Богатых бутиков и ресторанов,
В убранстве позолоты, с серебром,
В красивых группах, в холлах, у фонтанов.
И до сих пор красавец манекен,
Через стекло любит пейзажем
И покоряет всех техничным макияжем,
Статичный символ наших перемен.

Часть 4. Манекены и спорт.

Так с давних пор, по наши времена,
Спортсменов тренируют манекены,
Они скромны, и в целом неизменны,
Но это, скажем так, не их вина.

Не любит спорт кровавое лицо,
Поэтому нет лиц у манекенов,
Чтоб не оспаривать награды у спортсменов,
И не обидеть восприимчивых бойцов!
Их в боксе бьют, оттачивая хуки,
Бросают на татами с разворота,
И ставят стенки, убережь ворота,
Чтобы от травм, избавить торс, и руки.
За спортом наблюдаем мы порой,
Когда просматриваем матчи, поединки,
Как манекены остаются, для «разминки»,
Сменив спортсменов статикой – собой.

Но в спорте есть и прочие борцы,
Атлеты, с Аполлоновской фигурой,
Красавицы, с подтянутой натурой,
И маленькие дети – молодцы!
Такая вот спортивная семья,
С иголки одеты в Nike, PUMA,
Выводят нас, из закоулков ГУМа,
Осваивать спортивные поля.

Часть 5. Манекены и жизнь.

С рождения мы видим их в быту,
Красивых кукол, в праздничных одеждах,
Суровых, неприступных, безмятежных,
Несущих нам любовь и красоту.
Для них мы строили дома и города,
Квартирки украшали с наслаждением,
И проводили с ними вечера,
Себя почувствовав среди них, в воображении.
И семьи строили, еще в свои пять лет,
Девчонки бегали с коляской на прогулку,
А пацаны, схватив свой пистолет,
Гоняли манекен, по переулку.
И повзрослев, когда уже семнадцать,
Ты хочешь мир любить, и выглядеть красиво,
Через стекло витрин, любишься на диво,
Зайдя в бутик, с желанием одеваться.

Мы привлекаем их к решению проблем,
Врачи, артисты, МЧС, портные,
Уже и в космосе бывал наш манекен,
И разбивался о преграды заводские,
Когда испытывают новое авто,
На безопасность, эргономику, практичность,
Они спасают человеческую личность,
Вопросы выявляя, как никто!

На них врачи шлифуют перевязки,
И технику искусственных дыханий,
Спасает МЧС с горящих зданий,
Используя носилки, и коляски.
Портные так и шьют свои наряды,
Как делали коллеги, в старину,
Свой манекен, лаская нежным взглядом,
И авангардом удивляя всю страну.
Артисты их снимают в общих сценах,
В кинокартинах, с пышной толпой,
В батальных кадрах, взрывах и стрельбой,
Когда увиденное, кровь морозит в венах.

Так и живет, наш скромный манекен,
В своей спокойной, первозданной сути,
Такой статичный, и привычный всем,
В любви и нежности, и холоде, и жути!

Часть 6. Заключение.

Нас гонит время, жизнь свернув в кольцо,
Мы, словно кони, мечемся по кругу,
Нам груз забот, уродует лицо,
И нечего уже сказать друг-другу,
Мы спрятались под маской суеты,
В надежде исключить непонимание,
Не привлекать излишнего внимания,
И мир судить, с привычной высоты.

Жизнь широка, в ней есть и исключения,
Неторопливость безмятежная часов,
В привычном шуме быстрого движения,
И вязи многоликих голосов.
Так что-же манекен – статичное создание,
Вселившись в нас, живет уже давно,
Одни «стоят», но жизни – полотно,
Их наполняют душу и сознание.
Другие мчатся, шоры опустив,
Пытаясь удержаться в поворотах,
Но быт их смял, в машины превратив,
На трех углах, «лабазы», дом, работа.

Ну, что-же, мне пора, прервать свою беседу,
Немного отдохнуть, и снова двинуть в путь!
Что будет впереди, куда теперь поеду,
Пока не знаю я..... Случится, что-нибудь!

30.06.2016 г.

Пасха

Блестят купола, играя весенней палитрой,
Небесные своды, лучатся своей синевой,
Ничто не нарушит, сегодня, окрестный покой,
И мир наполняют, воскресной, пасхальной
Молитвой.

Улыбки и смех, украшают привычные лица,
Бездомным, и нищим, у церкви деньжат подадут,
Добро и любовь, в наших душах находят уют,
Да в парках щебечут, весною согретые птицы.

И голос наш, во истину воскресе,
Уже уносит ветром в поднебесье.

06.05.2016 г.

Павшим в годы Великой Отечественной Войны

И жизни свои, они умещали в мгновение,
А яркие вспышки огня, открывали им в вечность – пути,
И не было выбора им, отказаться и не идти,
Ведь у них за спиной, оставалась – судьба поколения.
Ведь у них за спиной, оставалось грядущее счастье,
Детский радостный смех, и гармони веселый напев,
А в душе только боль, и за милую Родину – гнев,
Да желание – собой, заградить этот мир от ненастья.

Не многим из них, удавалось дожить до победы,
Через холод зимы, и распутицы липких дождей,
Они шли на огонь, вдалеке от любимых семей,
Ради синего неба, ради нив колосящихся – хлеба.
И жизни свои, они умещали в мгновение,
Чтоб счастливо жило, благодарное им – поколение!

04.05.2016 г.

Мечтают ромашки летать

Мечтают ромашки летать,
И смотрятся в небо тоскливо,
Им птицами хочется стать,
И парить – не торопливо!
Им хочется землю любить,
С высот, из заоблачной дали,
Но в поле приходится жить,
Избавляя людей от печали,
И давать им свои стебельки,
Чтоб с букетов венки собирали,
И в безоблачной летней ночи,
Хором пели и танцевали.
Чтоб гадали на лепестках,
Срезы редкие в землю роняя,
И покорно судьбу принимая,
Оставались в красивых мечтах.
Мечтают ромашки летать,
И смотрятся в небо тоскливо,
Им птицами хочется стать,
И парить – не торопливо!

15.04.2016 г.

Ты стань сегодня – украшением

Ты стань сегодня – украшением,
Для «сиротливого» меня,
Моей судьбой, и утешением,
Надеждой, на исходе дня.
Ты стань сегодня королевой,
Повелевай своим рабом,
Будь героической и смелой,
Оставь проблемы на потом,
И если в «диком» искушении,
Меня захочешь ты любить,
Перед тобою на колени,
Я встану, так тому и быть!

14.04.2016 г.

И не скучай!

И не скучай, как сакура в цвету,
Твой аромат силен не посвященным,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.